

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-2-71-79

Журналисты и PR-специалисты: профессиональное самоопределение

Анна Михайловна Огороднова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова, г. Санкт-Петербург, Россия

annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>

Рассматривается проблема различий профессиональных габитусов агентов медиaprостранства, определяющих их подходы к конструированию информации. Актуальность исследования обусловлена важнейшей ролью массмедиа в формировании социальной реальности и трансформации профессиональных практик журналистов и PR-специалистов. В условиях внедрения цифровых технологий и роста конфликтов между журналистами и PR-специалистами изучение их профессиональных габитусов становится особенно значимым. Противоречия в подходах к отбору и подаче информации, использование провокационных методов и давление со стороны власти требуют глубокого анализа для сохранения этических стандартов и доверия к медиа. Объект исследования – журналисты и PR-специалисты, работающие в государственных и общественных организациях России. Предмет исследования – различия их габитусов, влияющих на конструирование медиареальности. Цель исследования – сравнительный анализ профессиональных практик журналистов и PR-специалистов, определяющих самоопределение названных профессиональных групп. Задачи исследования: анализ полученных эмпирических данных в рамках социоанализа П. Бурдьё; определение различий габитусов журналистов и PR-специалистов; интерпретация медиаконфликтов. Для выяснения особенностей профессиональной самоидентичности проведён экспертный опрос российских медиакommunikаторов, работающих в государственных и общественных организациях. Концептуальной рамкой интерпретации результатов стали ключевые понятия социоанализа П. Бурдьё «габитус» и «поле», а также идеи современных исследователей, анализирующих в контексте современной медиасистемы взаимодействие и разграничения журналистики и связей с общественностью. Проведённое исследование подтверждает, что журналисты и PR-специалисты используют различные критерии отбора и подачи информации, что нередко приводит к межпрофессиональным конфликтам. В результате исследования подтверждено, что различия в габитусах приводят к профессиональной деформации, в частности журналисты упрощают сложные темы, а PR-специалисты идеализируют субъектов, обозначено противоречие между этическими стандартами и эффективностью методов, что снижает социальный капитал обеих групп, предложено учитывать выявленные закономерности при разработке программ медиаобразования и корпоративных этических кодексов.

Ключевые слова: габитус, медиакommunikация, профессиональная самоидентификация журналистов, конструирование реальности, журналистика, PR-специалисты, конфликты, социоанализ, П. Бурдьё, медиаэтика

Для цитирования

Огороднова А. М. Журналисты и PR-специалисты: профессиональное самоопределение // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 71–79. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-2-71-79

Original article

Journalists and PR-Specialists: Professional Self-Determination

Anna M. Ogorodnova

Saint Petersburg State Electrotechnical Univeristy, Saint Petersburg, Russia

annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>

The article deals with the problem of differences in the professional habitus of media space agents, which determine their approaches to the construction of information. The relevance of the study is due to the crucial role of mass media in shaping social reality and transforming the professional practices of journalists and PR-specialists. In the conditions of digitalization and growing conflicts between journalists and PR-specialists, the study of their professional habitus becomes especially important. Contradictions in approaches to the selection and presentation of information, the use of provocative methods and pressure from the authorities require in-depth analysis to maintain ethical standards and trust in the media. The object of the study is journalists and PR-specialists, working in state and public organizations in Russia. The subject is the differences in their

© Огороднова А. М., 2025

habitus influencing the construction of media reality. The aim of the study has become a comparative analysis of professional practices of journalists and PR-specialists that determine the self-determination of these professional groups. The objectives of the study are as follows: to analyze the obtained empirical data within the framework of P. Bourdieu's socioanalysis; to determine the differences between the habitus of journalists and PR-specialists; to interpret media conflicts. To clarify the peculiarities of professional self-identity, an expert survey of Russian media communicators working in state and public organizations has been conducted. The key concepts of P. Bourdieu's socioanalysis "habitus" and "field", as well as the ideas of modern researchers analyzing the interaction and distinction between journalism and public relations in the context of the modern media system, have become the conceptual framework for interpreting the results. The conducted research confirms that journalists and PR-specialists use different criteria for selecting and presenting information, which often leads to interprofessional conflicts. It is also confirmed that differences in habitus lead to professional deformation: journalists simplify complex topics, PR-specialists idealize subjects. The contradiction between ethical standards and efficiency of methods is outlined, which reduces the social capital of both groups. It is proposed to take into account the revealed regularities in the development of media education programs and corporate codes of ethics.

Keywords: habitus, media communication, professional self-identification of journalists, reality construction, journalism, PR-specialists, conflicts, socioanalysis, P. Bourdieu, media ethics

For citation

Ogorodnova A. M. Journalists and PR-Specialists: Professional Self-Determination // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 2. P. 71–79. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-2-71-79

Введение. Современное медиапространство представляет собой сложно-организованную систему взаимодействия профессиональных групп, участвующих в конструировании социальной реальности. К числу наиболее влиятельных групп следует отнести журналистов и PR-специалистов, ответственных за управление информационной повесткой. Массмедиа играют ключевую роль в формировании социальной реальности, а различия в профессиональных габитусах этих групп влияют на качество и объективность передаваемой информации.

Проблема исследования. Основная проблема заключается в противоречии между профессиональными габитусами журналистов и PR-специалистов, что приводит к межгрупповым конфликтам, искажению информации и снижению доверия к медиа. Необходимо выявить, как эти различия влияют на конструирование социальной реальности, а также то, какие последствия они имеют для общества.

Актуальность исследования обусловлена важнейшей ролью массмедиа в формировании социальной реальности и трансформации профессиональных практик журналистов и PR-специалистов. В условиях внедрения цифровых технологий и роста конфликтов между журналистами и PR-специалистами изучение их профессиональных габитусов становится особенно значимым. Противоречия в подходах к отбору и подаче информации, использование провокационных методов и давление со стороны власти требуют глубокого анализа для сохранения этических стандартов и доверия к медиа.

Объект исследования – журналисты и PR-специалисты, работающие в государственных и общественных организациях России.

Предмет исследования – различия их габитусов, влияющих на конструирование медиареальности.

Цель исследования – сравнительный анализ профессиональных практик журналистов и PR-специалистов, определяющих самоопределение названных профессиональных групп.

Задачи исследования:

- анализ полученных эмпирических данных в рамках социопроанализа П. Бурдьё;
- определение различий габитусов журналистов и PR-специалистов; интерпретация медиа конфликтов.

Обзор литературы. Концептуальной рамкой стали такие ключевые понятия социопроанализа П. Бурдьё, как «габитус» и «поле». В данной теоретической рамке медиа рассматриваются как поле борьбы за символический капитал, где действия социальных агентов (журналистов, PR-специалистов) определены системой диспозиций, сформированной их социальным и профессиональным опытом, или габитусом [1, с. 10]. Теоретическими концептами, использованными в статье, стали идеи современных исследователей, анализирующих особенности профессиональной идентичности журналиста в контексте современной медиасистемы, взаимодействия и разграничение журналистики и связей с общественностью, в частности Н. Бэрдхэна [2], С. Ботана и М. Тейлора [3], М. Фреера [4], А. Ю. Колянова [5], М. Пиечки М. [6], П. Осински и С. Мюллера [7], Т. Род-

жерса [8], И. В. Сидорской [9], Х. Слея и Д. Смита [10], Л. Эдвардса [11; 12], материалы международных научно-практических конференций, участники которых обсуждали вопросы профессиональной самоидентификации журналистов [13; 14, с. 33], и пиар-специалистов [15; 16, с. 60], а также работы по теории коммуникации и массмедиа [17; 18, с. 31].

Исследование опирается на социоанализ Пьера Бурдьё, что позволяет анализировать профессиональные практики через призму габитуса и поля, рассматривать медиа как пространство борьбы за символический капитал, использовать эмпирические данные (опрос 34 медиакоммуникаторов), что дополняет теоретическую базу конкретными примерами.

Оригинальность подхода заключается в сочетании теории Бурдьё с современными исследованиями медиа, а также качественного анализа открытых вопросов и количественных данных.

Методология и методы исследования. Для решения исследовательских задач использован количественный метод сбора информации, позволяющий минимизировать субъективное мнение исследователей – в виде проведения экспертного опроса российских медиакоммуникаторов государственных и общественных организаций, который позволил эмпирически подтвердить гипотезы, установить причинно-следственные связи, а также сформулировать обоснованные выводы¹. Вопросы анкеты были нацелены на получение информации о стаже работы в области медиакоммуникаций, профессиональной мотивации, рисках профессии, приёмах работы журналиста с политиками, их отношении к провокационным приёмам получения информации, а также выявлению причин возможного агрессивного поведения политика (чиновника) при его взаимодействии с журналистом (медиакоординатором), раскрытию последствий использования провокационных приёмов для профессиональной работы политика и журналиста, удовлетворённости занимаемой должностью и причин возможного профессионального выгорания журналиста.

Результаты исследования и их обсуждение. Круг респондентов был составлен из практикующих специалистов (возрастной диапазон – 20–80 лет), работающих в сфере журналистики и связей с общественностью. Период проведения опроса – 1–20 апреля 2025 г. Опросные листы рассылались с ис-

пользованием контактов медиакоммуникаторов через внутренние рабочие платформы, а также в социальной сети ВКонтакте и мессенджере Telegram. Учитывая возможный отказ респондентов участвовать в онлайн-опросе из предосторожности не стать жертвой мошеннической схемы, в обращении к потенциальным респондентам назывались цели, организаторы и предпринимаемые формы безопасности для работы с личными данными. Получены ответы от 34 человек, или 75 % общего числа разосланных анкет.

Наивысшую активность продемонстрировали 30–40-летние респонденты, имеющие высшее профессиональное образование и общий стаж работы более 10 лет (35,3 %), 20,6 % респондентов были в возрасте 40–50 лет, 11,8 % – старше 50 лет. Все респонденты имели высшее образование. Диаграммы опроса респондентов показаны на рис. 1–6.

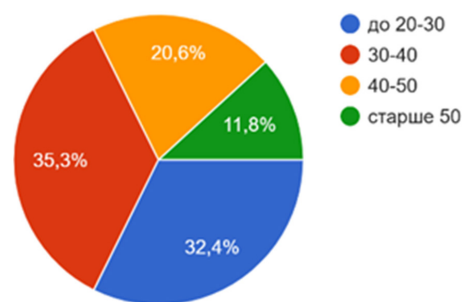

Рис. 1. Возраст / Fig. 1. Age

Согласно полученным в результате опроса данным, габитус журналистов ориентирует их на поиск истины, критику власти, творческое самовыражение (что следует из таких формулировок мотивации, как «сопричастность к региональной повестке», «влияние на мнение общества»). Габитус PR-специалистов более прагматичен: их действия направлены на управление репутацией, что требует компромиссов (что следует из таких формулировок мотивации, как избегание провокаций, работа в рамках корпоративных интересов).

Согласно данным опроса, габитус журналистов сформирован в соответствии с идеалами справедливости («Справедливость – моё ремесло»), что подкрепляет их стремление влиять на общественное мнение, несмотря на профессиональные и персональные риски (угрозы увольнением, профессиональная дискредитация и т. п.). Чтобы сохранить релевантность, журналисты нередко используют провокационные методы (сенсации, монтаж). Габитус PR-специалистов соответ-

¹ Ветрова О. А., Килимова Л. В. Нишнианидзе О. О. Социология. Социологические методы исследования: учеб. пособие. – Курск: ЮЗГУ, 2020. – С. 92.

ствуется, скорее, логике накопления социального капитала: их профессиональный успех в значительной степени зависит от связей («наличие друзей на новом рабочем месте») и умения балансировать между интересами медиа и власти.

По итогам опроса, 78 % PR-специалистов отмечают, что журналисты искажают информацию в угоду сенсационности. В свою очередь 65 % журналистов считают PR-тексты манипулятивными.

Габитусные различия объясняют, почему журналисты чаще сталкиваются с агрессией чиновников (их действия воспринимаются как угроза символическому капиталу власти). Профессиональное выгорание связано с противоречием между идеальным представлением о профессии и реальными условиями медиаполя (цензура, давление редакции и др.).

Интерпретация ответов на открытые вопросы также реализована с использованием концепции П. Бурдьё, позволяющей рассматривать способы, которыми поведение предписано, представлено или осуществлено. Так, на вопрос «Что побудило Вас принять предложение о работе пресс-секретарем/пресс-атташе/медиакоординатором» большинство респондентов отмечали потребность в личностном профессиональном росте, опережая такие мотивы, как «наличие друзей и хороших знакомых на новом рабочем месте» и «необходимость сменить обстановку с целью эмоционального самосохранения».

В конструктивистской модели П. Бурдьё предметом профессиональной деятельности журналиста выступает не столько поиск информации, сколько производство знания в форме медиатекстов. Масс-медиа представляют собой идеологическое производство, т.е. «относительно автономный мир, где вырабатываются в конкуренции и конфликте инструменты осмысливания социального мира, объективно имеющиеся в наличии в данный момент времени, и где в то же время определяется поле политически мыслимого, если угодно, легитимная проблематика» [1, с. 123; 19]. Данные нашего исследования вполне согласуются с утверждениями французского социолога: больше всего экспертов в профессии журналиста/медиакоординатора привлекают общение с людьми, возможность творчества и самовыражения, чувство сопричастности к созданию региональной повестки, драйв, а также возможность решать проблемы людей. Эксперты характеризуют свою работу как приносящую удовольствие благодаря возможности видеть «закулисную»

сторону многих событий, что вызывает переживание азарта и ощущение влияния на мнение общества.

Один из респондентов вспомнил, что в конце 1969 г. в театрах страны шла пьеса Леонида Жуховицкого «Справедливость – моё ремесло». Спектакль имел огромный успех на сцене театра им. Пушкина (ныне – Александринский театр в г. Санкт-Петербурге). Главными героями пьесы были журналисты в талантливом исполнении таких актёров театра, как Игорь Горбачёв, Николай Мартон, Юрий Родионов. Респондент подчеркнул, что в самом названии спектакля заявлены нравственные ценности, которые продолжают провозглашаться даже нынешними средствами массовой информации, несмотря на принципиальное изменение ценностных установок современных медиа.

К профессиональным рискам профессии журналиста абсолютное большинство респондентов отнесли выгорание, в частности от бессилия при невозможности помочь людям с их проблемой, разочарование в профессии, встречи с неадекватными и агрессивно настроенными людьми и моральную усталость. Респонденты выделили давление со стороны властных структур, риск получения угроз, публикацию непроверенной информации, несоблюдение требований охраны авторских прав, некомпетентность сотрудника в вопросах управления репутацией организации и её первых лиц, а также провал в антикризисном пиаре и даже утрату веры в справедливость.

Представители старшего поколения медиаспециалистов полагают, что основной профессиональный риск касается работы военкором или возникает в случае участия журналистов в полицейских операциях, направленных на ликвидацию бандформирований. В пример приводятся многочисленные истории в постперестроечное время. При этом респонденты вспоминают о том, что в те годы журналистскому сообществу удалось создать образовательную среду, в которой начали действовать семинары и курсы, обучающие журналистов практическим навыкам и юридическим аспектам поведения в опасных ситуациях. В 90-е гг. XX в. выпускались брошюры с профессиональными рекомендациями по безопасному поведению. На психологическом факультете Ленинградского государственного университета была открыта кафедра экстремальных и кризисных ситуаций. Разумеется, риск, связанный с журналистскими расследованиями преступной деятель-

ности, продолжал и продолжает оставаться очень высоким, унося жизни занимающихся ими журналистов.

П. Бурдые, описывая интеграцию журналистского поля в политическое, предлагал взглянуть на политику как на игру, в ходе которой вовлечённые в нее участники (политики и журналисты) конституируют и воспроизводят «игровое поле» как пространство политических позиций и объективных связей между этими позициями, специфических капиталов и ресурсов, а также как пространство политических агентов, занимающих те или иные позиции в политике [1, с. 539; 20]. Согласно ему, журналисты становятся агентами власти, сохраняя при этом особенности своей профессии, закреплённые в стереотипе о «второй древнейшей профессии», в частности условность или даже пренебрежение общепринятыми моральными принципами. Показательно, что наибольшее расхождение в ответах респондентов касалось вопроса о приёмах работы журналиста с политиками/чиновниками/сотрудниками госслужб, которые можно отнести к «запрещённым» и нарушающим профессиональную этику. Респонденты называли угрозы, шантаж, клевету, манипуляции, переход на личности, грубую лезть, запись интервью без согласия и метод «монтажа», когда ответу спикера придаётся противоположное содержание, а также публикацию заведомо ложной информации и сведений, составляющих государственную или частную тайну. К этой же категории респонденты отнесли отсутствие объективности, беспристрастности со стороны журналиста, его провокационные вопросы, игры на слабых сторонах и ошибках чиновников, использование непроверенной информации и чрезмерное давление. Один из респондентов примером запрещённых приёмов в деятельности журналиста считает всю деятельность после 2022 г. Юрия Дудя* (Ю. Дудь признан иностранным агентом по решению Министерства юстиции РФ от 15 апреля 2022 г.). Есть высказывания о том, что этику нарушает «любой журналист, превратившийся в пиарщика».

При ответе на вопрос, приходилось ли Вам лично использовать в своей работе запрещённые приёмы, 28 человек ответили отрицательно, а 6 респондентов указали, что использовали таковые. Отвечая на вопрос об отношении к провокационным приёмам при получении информации, более половины респондентов назвали таковые признаком профессиональной некомпетентности журна-

листа, однако треть ответивших воспринимают провокации как допустимый инструмент получения информации (см. рис. 2).

Рис. 2. Отношение к провокационным приёмам при получении информации / **Fig. 2.** Attitudes towards provocative techniques in obtaining information

Треть опрошенных (35,3 %) подтвердили, что сталкивались с агрессией или провокацией в свой адрес со стороны политика (чиновника) при выполнении своих профессиональных обязанностей журналиста (медиакоординатора), 64,7 % экспертов отрицали это (см. рис. 3).

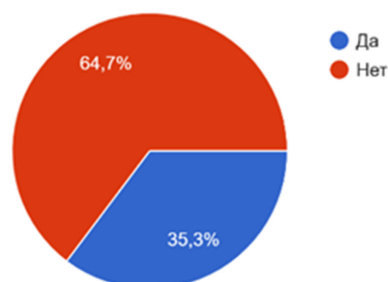

Рис. 3. Приходилось ли Вам сталкиваться с агрессией или провокацией в свой адрес со стороны политика (чиновника) при выполнении Вами обязанностей журналиста (медиакоординатора)? / **Fig. 3.** Have you encountered aggression or provocation in your address by a politician (official) while performing your duties as a journalist (mediacoordinator)?

Абсолютное большинство уверены в том, что спровоцировать агрессивное поведение политика и чиновника при взаимодействии с журналистом (медиакоординатором) могут как обсуждаемая тема, так и отсутствие навыка работы с прессой, а также самоутверждение за счёт журналиста/координатора (см. рис. 4).

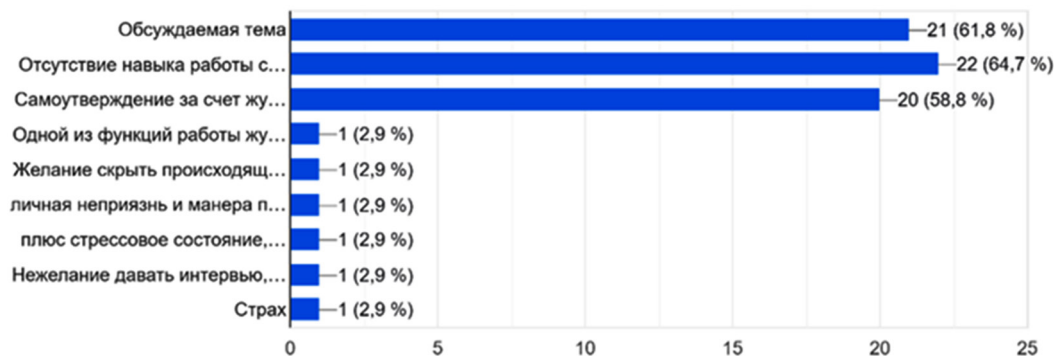

Рис. 4. Что, на Ваш взгляд, может спровоцировать агрессивное поведение политика (чиновника) при его взаимодействии с журналистом (медиакоординатором)? / **Fig. 4.** What, in your opinion, can provoke aggressive behavior of a politician (official) when interacting with journalists (media coordinator)?

Среди возможных последствий использования провокационных приёмов для профессиональной работы для журналиста и политика эксперты назвали утрату доверия с возможным отстранением от работы для первого и потерю (полную или частичную) репутации для второго. Респонденты отметили возможность недолгого положительного результата и кратковременной популярности после скандального заголовка, используемого журналистом, и цитируемости для политика. Тем не менее ответившие полагают, что обращение к провокации неизбежно ведёт к личной и профессиональной деградации и даже к судебным разбирательствам между сторонами. Допущение, что политики чаще демонстрируют агрессию при взаимодействии с журналистами в сравнении с другими профессиональными группами, разделило респондентов: большинство не подтверждает такую предрасположенность, а четверть опрошенных полагают, что это так (см. рис. 5).

Рис. 5. На основании Вашего личного опыта можно ли утверждать, что респонденты-политики чаще демонстрируют агрессию при взаимодействии в сравнении с другими профессиональными группами? / **Fig. 5.** Based on your personal experience, is it possible to state that respondents-politicians are more likely to demonstrate aggression in interactions compared to other professional groups?

Полученная информация, на наш взгляд, демонстрирует наличие конфликтного противоречия в профессиональной деятельности журналистов, а именно высокий риск действия двойных стандартов «Что я должен делать?» и «Что эффективно?». Использование скандалов в качестве инструмента профессиональной деятельности и/или управления массовым сознанием неизбежно отражается на тех социальных группах, которые обращаются к этому инструменту, а именно на самоидентификации политиков и журналистов, а также на восприятии общественностью этих профессиональных групп.

Среди причин, которые могут вызвать профессиональное выгорание журналиста, респонденты отметили отсутствие грамотного планирования работы, цензуру, психологическое давление и в целом неопределённую линию указаний со стороны руководства. Выгорание могут вызывать обесценивание, критика, отсутствие признания, неинтересные задачи, исключая самовыражение и отсутствие возможности иметь авторское видение в рамках информационной политики издания/учреждения.

Кроме того, круглосуточная работа без выходных в погоне за эксклюзивной информацией, стресс и нереализованность ожиданий, вынужденное нарушение своих личных принципов, идущих вразрез с политикой редакции, негибкие рамки политики вещания, контролирующей профессиональную деятельность журналиста, чтобы он не становился пиарщиком/хейтером, также могут вызвать уход из профессии.

Тем не менее более 70 % ответивших порекомендовали бы своим друзьям и знакомым работу пресс-секретаря/пресс-атташе/медиакоординатора. Шесть человек ответили на этот вопрос отрицательно (см. рис. 6).

Рис. 6. Порекомендовали бы Вы своим друзьям (знакомым) работу пресс-секретаря/пресс-атташе/медиакоординатора? / **Fig. 6.** Would you recommend to your friends (acquaintances) the job of press secretary/press attaché/media coordinator?

Заключение. Журналисты и PR-специалисты конструируют реальность на основе разных габитусов. Журналисты занимаются

репрезентацией действительности, специалисты по связям с общественностью участвуют в создании оптимизированной картины, представители рекламного сообщества занимаются трансформацией восприятия.

Различия в габитусах приводят к профессиональной деформации названных групп, в частности у журналистов – к тенденции упрощать сложные темы, у PR-специалистов – к избыточной идеализации субъектов деятельности. Профессиональные деформации усиливают конфликт между медиаагентами, который затрудняет или делает невозможным для данных групп решение поставленных профессиональных задач, что, соответственно, снижает их социальный и профессиональный капитал.

Список литературы

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. 160 с. ISBN: 5-7333-0041-8. EDN: TDSBMB
2. Bardhan N. Culture, communication, and third culture building in public relations within global flux. Текст: электронный // Public relations in global cultural contexts. Routledge. 2011. P. 77–107. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Culture%2C+communication+and+third+culture+building+in+public+relations+within+global+flux&author=N+Bardhan&publication_year=2010&pages=225-48 (дата обращения: 07.04.2025).
3. Botan C. H., Taylor M. Public relations: State of the field. Текст: электронный // Journal of Communication. 2004. Vol. 54, no. 4. P. 645–661. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Public+relations%3A+The+state+of+the+field&author=C+Botan&author=M+Taylor&publication_year=2004&journal=Journal+of+Communication+Management&pages=645-61&doi=10.1111%2Fj.1460-2466.2004.tb02649.x (дата обращения: 07.04.2025). DOI: 10.1111/j.1460-2466.2004.tb02649.x
4. Frère M.-S. 'I wish I could be the journalist I was, but I currently cannot': Experiencing the impossibility of journalism in Burundi // Media, War & Conflict. 2017. No. 10. P. 3–24. DOI: 10.1177/1750635217698334
5. Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // Дискурс. 2020. № 6. С. 62–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72. EDN: MAEBSM
6. Pieczka M. Looking back and going forward: The concept of the public in public relations theory // Public Relations Inquiry. 2019. No. 8. P. 225–244. DOI: 10.1177/2046147X19870269
7. Osinsky P., Mueller C. W. Professional Commitment of Russian Provincial Specialists // Work and Occupations. 2004. No. 31. P. 193–224. DOI: 10.1177/0730888404263899. EDN: LRZBEB
8. Rogers T. The Difference Between Public Relations and Journalism. Текст: электронный // ThoughtCo. 2024. No. 1. URL: <https://www.thoughtco.com/the-difference-between-public-relations-and-journalism-2073714> (дата обращения: 07.04.2025).
9. Сидорская И. В. Журналистика, связи с общественностью, реклама: разграничение vs взаимодействие. Текст: электронный // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 6. С. 155–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-svyazi-s-obschestvennostyu-reklama-razgranichenie-vs-vzaimodeystvie> (дата обращения: 10.04.2025). DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.155175. EDN: AYUCHF
10. Slay H. S., Smith D. A. Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities // Human Relations. 2011. No. 64. P. 85–107. DOI: 10.1177/0018726710384290
11. Edwards L. Defining the 'object' of public relations research: A new starting point // Public Relations Inquiry. 2012. No. 1. P. 7–30. DOI: 10.1177/2046147X11422149
12. Edwards L., Pieczka M. Public relations and 'its' media: Exploring the role of trade media in the enactment of public relations' professional project // Public Relations Inquiry. 2013. No. 2. P. 5–25. DOI: 10.1177/2046147X12464204
13. Ухватова О. П. Региональное телевидение как посредник между властью и обществом (на материалах ГТРК «Пенза»). Текст: электронный // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Державинский, 2023. URL: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib1679.pdf> (дата обращения: 07.04.2025). EDN: AAQUUL

14. Блохин И. Н. Культура коммуникации в журналистике постглобального мира. Текст: электронный // Журналистика XXI века: в пространстве культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Медианапир, 2023. 494 с. URL: <https://259506.selcdn.ru/sites-static/site664483%2F2023%20%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%2021%20%D0%B2%D0%B5%D0%BA%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf> (дата обращения: 07.04.2025). EDN: ANNXNF
15. Курганова Е. Б. Коммуникаторы vs нейросети: перспективы и вызовы. Текст: электронный // Журналистика XXI века: в пространстве культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Державинский, 2023. URL: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib1679.pdf> (дата обращения: 07.04.2025). EDN: KQTCDK
16. Корконосенко С. Г. Культурологические решения проблем журналистики. Текст: электронный // Журналистика XXI века: в пространстве культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред., сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Медианапир, 2023. 494 с. URL: <https://259506.selcdn.ru/sites-static/site664483%2F2023%20%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%2021%20%D0%B2%D0%B5%D0%BA%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf> (дата обращения: 07.04.2025). EDN: UCRPDV
17. Казаринова Н. В. Хамство и оскорбления как коммуникативные практики негативной солидарности. Текст: электронный // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. ст. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. С. 46–55. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/kazarinova-10.htm> (дата обращения: 07.04.2025).
18. Кожемякин Е. А., Красикова Т. Р. Эпистемический порядок медиадискурса: специфика операций смыслопорождения. Текст: электронный // Медиалингвистика. 2016. № 1. С. 31–40. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1457864716_0376.pdf (дата обращения: 07.04.2025). EDN: VMJUWF
19. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. ISBN: 5-88329-351-7. EDN: QOGTMH
20. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. EDN: QYBTPF

Reference

1. Bourdieu P. On Television and Journalism. Part III. The field of politics, the field of social sciences, the field of journalism. Moscow: Institut ehksperimental'noi sotsiologii; 2002. ISBN: 5-7333-0041-8. EDN: TDSBMB (In Russian).
2. Bardhan N. Culture, communication, and third culture building in public relations within global flux. In: Public relations in global cultural contexts. Routledge; 2011. P. 77–107. Available from: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Culture%2C+communication+and+third+culture+building+in+public+relations+with+n+global+flux&author=N+Bardhan&publication_year=2010&pages=225-48 (accessed 07.04.2025).
3. Botan CH, Taylor M. Public relations: State of the field. *Journal of Communication*. 2004;54(4):645–661. Available from: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Public+relations%3A+The+state+of+the+field&author=C+Botan&author=M+Taylor&publication_year=2004&journal=Journal+of+Communication+Management&pages=645-61&doi=10.1111%2Fj.1460-2466.2004.tb02649.x (accessed 07.04.2025). DOI: 10.1111/j.1460-2466.2004.tb02649.x
4. Frère M.-S. 'I wish I could be the journalist I was, but I currently cannot': Experiencing the impossibility of journalism in Burundi. *Media, War and Conflict*. 2017;(10):3–24. DOI: 10.1177/1750635217698334
5. Kolianov AYU. Professional identity of journalist hybrid media system. *Discourse*. 2020;(6):62–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72. EDN: MAEBSM (In Russian).
6. Pieczka M. Looking back and going forward: The concept of the public in public relations theory. *Public Relations Inquiry*. 2019;(8):225–244. DOI: 10.1177/2046147X19870269
7. Osinsky P, Mueller CW. Professional Commitment of Russian Provincial Specialists. *Work and Occupations*. 2004;(31):193–224. DOI: 10.1177/0730888404263899. EDN: LRZBEB
8. Rogers T. The Difference Between Public Relations and Journalism. *ThoughtCo*. 2024;(1). Available from: <https://www.thoughtco.com/the-difference-between-public-relations-and-journalism-2073714> (accessed 07.04.2025).
9. Sidorskaya IV. Journalism, public relations, advertising: Distinction VS interaction. *Vestnik Moskovskogo universitets. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2019;(6):155–175. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-svyazi-s-obschestvennostyu-reklama-razgranichenie-vs-vzaimodeystvie> (accessed 10.04.2025). DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.155175. EDN: AYUCHF (In Russian).
10. Slay HS, Smith DA. Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities. *Human Relations*. 2011;(64):85–107. DOI: 10.1177/0018726710384290 (In Russian).
11. Edwards L. Defining the 'object' of public relations research: A new starting point. *Public Relations Inquiry*. 2012;(1):7–30. DOI: 10.1177/2046147X11422149
12. Edwards L, Pieczka M. Public relations and 'its' media: Exploring the role of trade media in the enactment of public relations' professional project. *Public Relations Inquiry*. 2013;(2):5–25. DOI: 10.1177/2046147X12464204
13. Ukhvatova OP. Regional television as an intermediary between the power and society (on the materials of GTRK Penza). In: Journalism in the Era of Digital Transformation: Values and Practices: materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Tambov; 2023. EDN: AAQUUL (In Russian).

14. Blokhin IN. Culture of communication in journalism of the post-global world. In: Journalism of the XXI century: in the space of culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference; 2023. 494 p. Available from: <https://259506.selcdn.ru/sites-static/site664483%2F2023%20%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%2021%20%D0%B2%D0%B5%D0%BA%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf> (accessed 07.04.2025). EDN: ANNXNF (In Russian).
15. Kurganova EB. Communicators vs neural networks: perspectives and challenges //Journalism in the Era of Digital Transformation: Values and Practices: Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Tambov; 2023. Available from: <https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib1679.pdf> (accessed 07.04.2025). EDN: KQTCDK (In Russian).
16. Korkonosenko SG. Cultural solutions to the problems of journalism. In: Journalism of the XXI century: in the space of culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 17–18 November 2023. Saint-Peterburg; 2023. 494 p. Available from: <https://259506.selcdn.ru/sites-static/site664483%2F2023%20%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%2021%20%D0%B2%D0%B5%D0%BA%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf> (accessed 07.04.2025). EDN: UCRPDV (In Russian).
17. Kazarinova NV. Boorishness and insults as communicative practices of negative solidarity. In: Language, communication and social environment. Voronezh: Nauka-Unipress; 2010. P. 46–55. Available from: <http://www.philology.ru/linguistics2/kazarinova-10.htm> (accessed 07.04.2025). (In Russian).
18. Kozhemyakin EA, Krasikova TR. Epistemic order of media discourse: specificity of conceptualizing operations. *Media Linguistics*, 2016;(1):31–40. EDN: VMJUWF (In Russian).
19. Bourdieu P. Practical sense. Saint-Petersburg: Aleteia; 2001. 562 p. ISBN: 5-88329-351-7. EDN: QOGTMH (In Russian).
20. Bourdieu P. Sociology of Politics. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. EDN: QYBTPF (In Russian).

Сведения об авторе

Огороднова Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова, г. Санкт-Петербург, Россия; annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>. Область научных интересов: политическая коммуникация как акторы и каналы коммуникации, последствия для основных участников процесса: политиков, средств массовой информации и граждан, политические технологии как фактор развития общества в современной России.

Information about the author

Ogorodnova Anna M., Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia; annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>. Research interests: political communication as actors and as communication channels, implications for the major actors of process: politicians, media and citizens, political technologies as a factor of the society's development in modern Russia.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 19.05.2025.

Received 2025, April 25; approved after review 2025, May 14; accepted for publication 2025, May 19.